

Люди и судьбы

● Дверь открыл высокий, очень худой человек. Заметив мое удивление, рассмеялся: «Ну, конечно, вчера я выступал в концерте». Хозяин квартиры был похож на дирижера Мравинского. Он любезно пригласил войти и сказал: «Жаль, но это мне не дано, как и многое другое. Дирижировать не умею. Всю жизнь учусь рисовать, — и он представился, — художник Роскин Владимир Осипович. Чем обязаны?»

ОБЪЯСНИЛА, что его адрес дали на одной московской выставке. Разные там были картины. Звали к себе, как звон бубна, портреты модного художника. И не трогали сердце и ум. Было там несколько пейзажей, вызвавших радость и умиротворение. Кто-то стремился «быть в авангарде». А мимо одной картины многие пробегали стремительно. Но те, кто останавливались, возвращались к ней вновь, обойдя весь зал по кругу. На холсте бунтовало, топорило совсем не поэтичное растение с зубчатыми мясистыми листьями. То самое, что в обиходе мы зовем столетником, а по науке именуем цветком алоэ. Ему было тесно в горшке на нарисованном подоконнике, застланном газетой. Цветок энергично лез в левый угол картины, где за окном голубел лоскут неба. А в небе парил высоко и свободно большой воздушный шар. На таких летали пионеры воздухоплавания.

Художник представлялся молодым и энергичным человеком, впрочем, мастером. О мастерстве говорила продуманная композиция картины, ее изысканная цветовая гамма. Ничего броского, лишнего.

Владимир Осипович развел руками: «Картину купили. А оригинал с вами здоровается. Вот он». На оне тянулся к свету мясистый и непокорный цветок. А света было так мало в колодце двора, окруженного старинными московскими домами.

«Как жизнестоек! — похвалил цветок Владимир Осипович. — Правда, этот — впуск моей модели. Настоящий оригинал занял уже у меня в мастерской все огромное окно. Когда я уезжаю в отпуск, ставлю его в кастрюлю с водой. И он меня всегда дожидается. Мы с ним друзья. Оба очень стары. А старость требует верности и терпения».

Удивительным может быть мир вещей, которые нас окружают. Как точно они дополняют наш образ. Как много стереотипов появилось в этом мире у моего поколения. Как много лишнего, престижных стереотипов, вовсе не нужных для жизни и для души. В квартире, в которую я попала, была гармония человека и вещей. Здесь необходим был старинный барометр. Он заранее показал, что будет дождь, и хозяин позаботился наперед о зонте для меня, свой я забыла дома. Кресло было простым, уютным и элегантно добротным. Низкий пузатый шкаф знал себе цену. За стеклом мерцали сафьяновые корешки книг, «необходимые душе и сердцу». Но главными спутниками хозяина были картины. Благодарен и чуть суховат натюрморт над старинной горкой. Тусклой охрой светились на нем осенние плоды. «Это работа моей покойной жены Анны Сергеевны. Мы прожили с ней почти полвека. Вы, наверное, чувствуете, в этом доме у многих вещей уже нет голоса. Это потому, что нет ее», — объяснил Роскин.

А вот на этой картине среди колонн из папье-маше застыла семейная группа. «Мальчик в матроске — ваш покойный слуга, — сказал художник. — Родился я в 1896 году. Так что это все происходит где-то в начале века».

Из мальчика в матроске хотели сделать присяжного поверенного, как папу, положившего на получение этого звания всю свою нелегкую жизнь в той жизни до Октябрьской революции. А мальчик, когда ему было 13 лет, однажды взял в руки кисть и тюбик с краской. И присяжный поверенный не состоялся.

В КАТАЛОГЕ, который посвящен персональной выставке В. О. Роскина, открывшейся к его восьмидесятилетию семь лет назад, есть абзац: «Изобразительным искусством начал заниматься в Строгановском училище, а затем в мастерских Ф. И. Рерберга и И. И. Машкова, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Эта учеба послужила надежным фундаментом для всей последующей разносторонней деятельности художника». У него были знаменитые учителя. Но я спрашиваю главное

ставки за рубежом и экспозиции в нашей стране».

Так много всего... Так много пришлось учиться. Впервые приходилось оформлять огромные площади и залы. Искусство шагало в ногу со временем. Вот такой увидел Роскин Театральную площадь в день празднования 1-й годовщины Октябрьской революции. Теперь, когда я иду сквозь грохот площади Свердлова, представляю художю, высокого двадцатидвухлетнего Владимира Осиповича. Он одет в пальто с котиковым воротником — это была его единственная теплая вещь — наследие дореволюционных времен. За пальто его дразнили «буржум», а он мерял своими длинными ногами площадь и мечтал поразить участников праздника нахалом революционного пафоса. И поразил вместе с художником В. Храковским. Они выплеснули на площадь первые наши плакаты, на которых

скин работал в газете «Красный флот». На фронт ушел и его юный сын Оська. Впрочем, об этом не буду. Об Оське есть рассказ-быль Юрия Нагибина, Оськиного друга. И к нему ничего ни убавить, ни прибавить. Не вернулся брат, не вернулся домой сын.

Вот так. Говорят, что время лечит. «Я не верил в его смерть. Я ждал сына десять лет», — сказал хозяин квартиры, и скорбно сжались губы. И глубже стали провалы безукоризненно выбитых щек. Значит, время лечит не все.

И я не стала задавать ему лишних вопросов.

ЛИСТАЮ каталог, смотрю репродукции его картин, потом увижу их десятки в его мастерской. На склоне лет он опять занялся станковой живописью. «Вышел на пенсию. Появилось свободное время», — говорит Владимир Осипович.

А мне кажется, это еще и стремление рассказать нам о своем времени. Ибо этот цикл его работ можно тоже назвать «Наша молодость».

Вот картина «Мой паек. 1919 год». По Москве идет юнша и несет огромную лошадиную голову. «В Пролеткульте, где я работал, выдавали в этот день конину. Я почему-то явился последним. Так и шел через всю Москву со своим пайком, вызывая зависть прохожих. Он меня здорово выручил. На два месяца его растянул». А вот «Полет Уточкина». Уточкина Владимир Осипович видел гимназистом. А вот «Окна РОСТА» — память о совместной работе с Маяковским.

Воспоминания о революции, о первых годах становления Советской власти, о днях, потрясших весь мир, пронес художник через всю жизнь. Равно как и любовь к гармонии и красоте. О чем свидетельствуют его натюрморты. На которых «бунтует» столетник, пляшет кофеинка на электрической плитке. На которых жизнь. Хотя если дословно, то натюрморт — это мертвая природа. Натюрморты Роскина незримо населены людьми.

«Рассказываю о том, что видел, о том, что знаю и что знать хочу. Может быть, кому-нибудь это будет интересно», — подвел итог разговору о своем творчестве художник.

А мне интересна и вот эта деталь. В шестьдесят шесть лет он научился водить машину. И водил ее до прошлой осени. Он старен и красив. Языки не поворачиваются назвать его стариком. На мой вопрос: «Как вам это удается?», художник ответил: «Не относитесь к себе слишком серьезно».

А недавно шел у нас по телефону короткий деловой разговор, и он вдруг сказал: «Помоему, вы не отдали мне мой зонтик». И только там, в тишине Малого Головина переулка, я вспомнила — зонтик-то я вернула, но поняла: он по голосу почувствовал, что у меня что-то не ладится дома или на работе. Наверное, это тоже один из секретов его молодости. Уметь быть сдержанным и ненавязчивым. Но уметь сочувствовать и сопереживать другому. Как часто этого не хватает многим сверстникам. А нам уже за сорок.

Я не искусствовед. И не могу оценивать творчество и вклад в советское изобразительное искусство художника Владимира Осиповича Роскина. Это и не цель моих скромных заметок. Просто захотелось рассказать о хорошем человеке, которого встретила случайно. На столе у меня стоит фотография. Она с того самого натюрморта. Тянутся к свету ветки колочего растения. Парит в голубом небе воздушный шар...

Н. ТЮРИНА.

НАТЮРМОРТ С ВОЗДУШНЫМ ШАРОМ

имя для Владимира Осиповича из тех лет. И он говорит: «Конечно, Маяковский». Они познакомились в 1915 году, в училище живописи, ваяния и зодчества. Художник Роскин участвовал в «Окнах РОСТА». Нарисовал для них около сорока плакатов. Рисовали их художники на газетной бумаге. Трафаретчики потом переводили рисунок. За ночь делали до шести плакатов. А утром их уже видела вся Москва.

В этой квартире, где мы сидим за круглым столом, Маяковский бывал неоднократно. И все-таки хозяин квартиры не спешит обнаружить свои воспоминания о великом поэте. Хотя они написаны уже давно. Он дал мне их полистать. Здесь и страницы о первой встрече с поэтом. Молодым, поражающим публику своей желтой кофтой и цилиндром. Здесь и рассказ о знаменитых вечерах в Политехническом. И строки о последней встрече с Маяковским: «14 апреля вечером он лежал в боковом зале Дома писателей, и ночь мы сидели на стульях, поставленных вдоль стен, а на рассвете, присев на лавке у памятника Гоголю, мой друг художник Маф сказал: «Это кончилась наша молодость».

«Владимир Владимирович был замечательный товарищ и очень живой и в то же время деликатный человек. Боюсь, как бы не навели на него в моих записках хрестоматийный глянец», — говорит Владимир Осипович и закрывает желтую папку, на которой написано «Наша молодость».

Очень точное название. «Я не хотел все это писать, не хотел и записывать свои воспоминания о Маяковском на магнитофон, есть и такие, но меня уговорил мой друг художник Михаил Вольпин, он сказал: «Представь, что ты ямщик, который вез как-то Пушкина». Так вот я и решил стать тем самым «ямщиком», который оказался в свое время рядом с Маяковским».

ХОЗЯИН квартиры не очень-то умеет говорить о себе. А вот что сообщает о нем уже упомянутый мною каталог: «Он стал одним из пионеров нашего декоративного искусства». И еще «увлекся книжной графикой». И далее:

«Начиная с 1924 года В. О. Роскин оформляет советские вы-

горели слова во славу Революции и короткие призывы: «Бей белых!» Площадь запылала кумачом и зазвучала, «как стихи Маяковского».

Мне дали подержать и невесомые книжки с ломкими желтыми страничками. Такими были наши первые советские книги — не валяжные, на плохой бумаге, с дерзкими обложками. Но как точны иллюстрации. Как лаконичны. Роскин работал в «Федерации», Госиздате, «Советском писателе». Вот его иллюстрации к «Наследнику» Л. Славина, ставшему потом знаменитой «Интервенцией», вот обложка к поэме «1905 год» Б. Пастернака, к книге И. Сельвинского, он первым иллюстрировал «Время, вперед!» В. Кацаева.

Художник оформил около тридцати выставок за рубежом и в нашей стране. Этого вида искусства по сути дела в те годы еще не существовало. За проектирование второго зала Международной выставки в Париже в 1937 году В. О. Роскину присуждается гран-при. Художник оформляет выставки в Праге, Брюсселе, в Нью-Йорке...

Как-то на одной из выставок, кажется, в Берлине он работал с другом Маяковского художником А. Левиним. Их работа понравилась. Им предложили еще поехать на месяц в Скандинавию. Левин сказал тогда: «Ты как хочешь, а я домой хочу в Москву». И он согласился с другом: Москва — главный город в его жизни. Без нее он долго быть не может. В этом доме в Малом Головином переулке он живет сорок пять лет. У дома своя, уже столетняя история. Перестраивался дом по инициативе Михаила Кольцова для сотрудников «Огонька». Роскин сегодня — старейший его житель. Он смеется: «почетный гражданин».

Плоский фасад. Несколько нелепый, но милый ажурный литой козырек над крыльцом. Три ступеньки ввех. И на стене красной краской длинная стрела, указывающая на кнопку звонка: в молодости сверстники Владимира Осиповича любили шутки. Он их не забывает и сегодня.

Отсюда он ушел в 41-м записываться в ополчение. Его не взяли, видимо, из-за зрения. На фронт ушел его брат Александр — литературовед, исследователь творчества Чехова. Во время войны художник Ро-